

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Натальи Александровой
в серии «Артефакт & Детектив»:

- Хранитель Чаши Грааля
- Клавесин Марии-Антуанетты
- Сокровища Ирода
- Завещание алхимика
- Кинжал всевластия
- Шкатулка Люцифера
- Клад Наполеона
- Тайна золота инков
- Последний ученик да Винчи
- Волшебный город
- Талисман египетской царицы
- Легенда о «Ночном дозоре»
- Венец Чингисхана
- Проклятие Осириса
- Последняя загадка Ивана Грозного
- Маска Нерона
- Медальон инквизитора
- Табакерка Робеспьера
- Дублон капитана Флинта
- Зеркало Лукреции Борджиа
- Клинок князя Дракулы
- Перстень Екатерины Великой
- Ожерелье казненной королевы
- Ларец графа Сен-Жермен
- Монета Александра Македонского
- Приворотный амулет Казановы
- Наследство Марко Поло
- Меч с берегов Валгаллы
- Звезда Ассирийского царя
- Золото Атлантиды
- Осколок Тунгусского метеорита
- Волшебный компас Колумба
- Неизвестный шедевр Рембрандта
- Амулет снежного человека
- Ключ Гермеса Трисмегиста
- Ожерелье богини Кали
- Завещание короля Балдуина
- Амулет Великого Слона
- Колокольчики династии Минь
- Золотая булавка Юлия Цезаря

- Фермуар последней фрейлины
- Волшебные стрелы Робин Гуда
- Крест княгини Ольги
- Тайна тринадцати апостолов
- Перстень Ивана Грозного
- Последняя драма Шекспира
- Венец скифского царя
- Священный крест тамплиеров
- Алмаз лорда Гамильтона
- Гребень Маты Хари
- Перчатка немецкого рыцаря
- Загадка уральской Мадонны
- Часослов Бориса Годунова
- Стекланный сад
- Щит царя Леонида
- Тайна турецкого паши
- Печать Иоганна Гуттенберга
- Четки Изабеллы Кастильской
- Каменя римской куртизанки
- Сокровище великого Могола
- Ладанка Жанны д'Арк
- Шумерская погремушка
- Смертельный инструмент ацтеков
- Абиссинское заклинание
- Венец царицы Тамары
- Дар царицы Савской
- Часы Зигмунда Фрейда
- Кубок королевы Розамунды
- Жезл Эхнатона
- Медальон Распутина
- Исчезнувший рог Минотавра
- Мальтийский крест Павла Первого
- Кольцо княжны Таракановой
- Тайна багрового камня
- Секрет золотой карусели
- Лорнет герцогини де Рошфор
- Лампа палладины
- Чаша Герострата

**Сериал «Венецианский квартет.
Крест святого Петра»**

- Таинственный сапфир апостола Петра
- Магический камень апостола Петра
- Огненный рубин апостола Петра
- Священный изумруд апостола Петра

**Наталья
Александрова**

**МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ
ПАВЛА ПЕРВОГО**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Мальтийский крест Павла Первого : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205306-1

Павел Первый владел перстнем с мальтийским крестом и самим крестом, который якобы охранял императора от любых неприятностей. Император им дорожил и прятал в своем замке, пока однажды не потерял...

В наше время журналистка Вера получила задание написать о выставке восковых фигур в Михайловском замке. Но вместо фигуры Павла Первого она обнаружила труп хранителя музея, а в ванной комнате — загадочное кольцо с крестом. Не раздумывая, она прихватила его с собой, а после этого за Верой началась настоящая охота...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205306-1

Осторожно, здесь ступеньки! — предупредил меня провожатый. И, несмотря на это, я все же споткнулась и чудом не свалилась в лестничный пролет. Хорошо, что в последний момент меня поддержал заботливый Порфирьич.

Ну да, лишний раз убеждаюсь, что мама права, до чего же я неловкая, несурзная, не приспособленная к жизни...

— Император очень любил всевозможные потайные ходы, секретные комнаты, скрытые двери... — вещал тем временем мой спутник, спускаясь по лестнице. — Прежнее руководство музея не открывало эту сторону замка для посетителей, а мы решили, что это многим будет интересно, это привлечет широкую публику... Наглядность, так сказать... — Он негромко хмыкнул.

Замыкавшая шествие пожилая хранительница что-то недовольно проворчала — видимо, у нее на этот счет было особое мнение. Замдиректора музея бросил на нее взгляд через плечо и тут же отвернулся. Старушка ничего не заметила, но я-то была рядом и увидела, как в его взгляде промелькнуло недовольство и даже презрение — мол, молчала бы, кошелка старая, тебя тут терпят из милости, а ты еще выступаешь...

Этот тип сразу мне разонравился. Не могу сказать, что этот Иван Антонович понравился мне при встрече, мне вообще мало кто из людей нравится с первого взгляда. Я — робкая, некоммуникабельная, плохо схожусь с людьми, у меня нет близких друзей и даже просто приятелей нету. Это мама так считает, и она абсолютно права.

Так вот, сколько таких взглядов я ловила на себе с некоторых пор, лет с двенадцати. Такое легкое презрение — мол, что с тебя взять, никому ты не пожалуешься, да кто тебя слушать станет...

Стоп! Не давать ходу воспоминаниям, не допустить паники. А то можно на глазах у всех и с лестницы навернуться.

Винтовая лестница сделала несколько оборотов и уткнулась в неприметную дверцу. Провожатый — теперь не хотелось называть его по имени-отчеству, и вообще не хотелось с ним общаться — остановился и окликнул хранительницу:

— Леокадия Львовна, откройте нам!

Хранительница что-то проворчала, достала ключи, открыла дверцу и отступила в сторону:

— Заходите...

И снова музейный начальник заговорил своим хорошо поставленным голосом:

— Мы с вами пришли в ту самую спальню, где был убит несчастный император...

Комната была большая, темноватая. Мебели для такой комнаты было маловато — как видно, та, что была во время убийства Павла Первого, не сохранилась. Был там письменный стол красного дерева, кресло, какие-то шкафчики по углам, справа — большой камин, отделанный итальянским мрамором.

Ах да, читала же я, что Павел так хотел переехать в свой новый дворец, что не стал ждать, когда стены просохнут. Дело было зимой, в помещениях стояла ужасная сырость, так что камины топили постоянно. Сейчас, разумеется, камин не горел.

Я привычно прислушалась к себе. Все вроде бы в норме: комната достаточно просторная, потолок высокий, дверь широкая, двустворчатая... А я что думала: что император всяя Руси в кладовочке какой-нибудь будет спать на раскладушке? Да, хорошо жили цари...

Тут я вспомнила, чем все закончилось для Павла Первого, и устыдилась.

Итак, есть надежда, что со мной сегодня все будет в порядке, я сделаю этот репортаж, то есть напишу несколько строк, которые будут удачным дополнением к фотографиям, которые уж точно будут хорошими, раз со мной такой профессионал.

Первым в комнату вошел Порфирий со своим оборудованием. Он огляделся по сторонам и озабоченно проговорил:

— Темно здесь... фотографии не получатся...

— А мы сейчас свет организуем... — Провожатый снова повернулся к пожилой хранительнице: — Леокадия Львовна, сделайте нам свет!

Старушка пошарила рукой по стене, щелкнула выключателем, и спальня Павла Первого осветилась тусклым, зловещим светом от спрятанных за портьерами ламп.

— Вот здесь в ту роковую мартовскую ночь...

Я вошла в комнату и увидела страшную, впечатляющую картину — несколько рослых, представительных мужчин в расшитых золотом камзолах

и мундирах восемнадцатого века сгрудились вокруг одного, лежащего на полу — маленького, жалкого, несчастного, бесконечно одинокого, в забрызганном кровью полотняном камзоле и ночном колпаке...

Один из заговорщиков держал в руке окровавленную табакерку, другой занес ногу в щегольском сапоге, чтобы пнуть уже мертвого императора еще раз...

Надо же, восковые фигуры, а как живые! И на лицах — ненависть, злоба, у одного — страх...

Я шагнула ближе, пригляделась к жертве заговора.

Лицо его было разбито, кровь — на колпаке, на воротнике камзола, на полу... но как реально он выглядит!

— Господи, до чего же натурально! — пискнула хранительница, выглядывая из-за моего плеча и словно подслушав мои мысли. — Даже страшно... а Павел... император... как он на нашего Верещагина похож! Как похож!

— Не говорите глупостей! — привычно осадил ее заместитель директора. — Авторы композиции добились портретного сходства с императором, а ваш Верещагин ни при чем...

— А кровь-то настоящая! — проговорил вдруг Порфирич.

Он наклонился над неподвижным телом, осторожно дотронулся пальцами до окровавленного воротника, посмотрел на них, даже понюхал и продолжил:

— Точно, настоящая! И еще не высохла... Я третьего дня работал на ДТП со смертельным исходом, на Мурманском шоссе, там тоже крови было — ужас... и запах точно такой же!

— Что вы такое говорите... — привычно возразил заместитель директора и тоже склонился над лежащим.

Лицо его странно переменялось, он побледнел и пролепетал неуверенно:

— Что же это...

А пожилая хранительница опустилась на колени, схватила окровавленную руку императора... или во все не императора, воскликнула ненатуральным высоким голосом:

— Александр Павлович! — И тут же завалилась на бок и потеряла сознание.

— Вот этого не надо! — вскрикнул заместитель директора. — Только этого нам не хватало, обмороков всяких!

Я почувствовала, что мне тоже хочется упасть в обморок — лежишь себе спокойно, ни о чем не думаешь... не думаешь о том, что наверняка провалишь редакционное задание...

Но тут боковым зрением я заметила, что Порфирьич деловито фотографирует все — и полутемную спальню, и толпу восковых заговорщиков, и труп на полу...

Потому что на полу действительно лежал труп.

Никакая не восковая фигура несчастного невинно убиенного императора Павла Первого, а труп, если можно так выразиться, живого человека.

Когда очевидность этого факта дошла до меня, я в ужасе метнулась прочь от окровавленного трупа, налетела на столбик, поддерживающий балдахин императорской кровати.

Забыла сказать, в противоположном от камина углу находилась кровать — огромное, внушитель-

ное сооружение с высокими спинками и балдахином. И сама кровать высоченная, так что низенькому императору, небось, приходилось скамеечку подставлять, чтобы на нее залезть. Впрочем, он спал на ней недолго...

И вот, когда я налетела на кровать, столбик подломился, балдахин упал на меня, и на какое-то время я оказалась в пыльной душной темноте, от этого еще больше перепугалась, закричала и замахала руками...

Ко мне словно вернулся тот день в далеком детстве, тот день, когда мне... когда мне пришлось... да нет, даже сейчас, через столько лет мне не хотелось это вспоминать. Но мое несчастное запуганное сознание сделало это за меня.

Сердце забилося в каком-то неровном, невыносимом ритме, дыхание перехватило. Я закусила губу, чтобы справиться с паникой, попыталась сбросить пыльную тяжесть балдахина, но только еще больше запуталась в нем, рванулась вперед и вверх, и тут на меня еще что-то упало, и по голове, по волосам, по лицу потекло что-то отвратительно липкое...

Господи, за что мне это! Что я всем вам сделала!..

Я хотела закричать, но, как тогда, много лет назад, горло перехватило мучительным спазмом, и не то что кричать — я не могла толком даже вздохнуть. И тут накатил жуткий страх, что сейчас я просто перестану дышать — и умру.

Тут где-то рядом раздался добрый ворчливый голос Порфирьича:

— Подожди, Верунчик, не трепыхайся, сейчас я тебя оттуда высвобожу... да не дергайся ты, ты мне так только мешаешь!

Легко сказать — не трепыхайся!

Я чувствовала себя как рыба, выброшенная на берег. Вот сейчас, сейчас... я просто не смогу больше сделать ни одного вдоха и тогда... тогда все кончится...

Но тут в темном коконе образовался просвет, я смогла наконец вдохнуть и увидела славное круглое лицо Порфирыча. Сердце потихоньку успокаивалось, воздух в этой темной комнате показался мне таким свежим, как будто я сижу с чашкой кофе под полосатым тентом и смотрю на утреннее море.

Я готова была расцеловать старого фотографа.

— Порфирыч, миленький, спасибо...

— Да что ты, что ты! — Он осторожно высвободил меня из пыльного кокона балдахина и вдруг удивленно отстранился — Ох ты, что это у тебя с головой?

— А что такое?

Вместо ответа он протянул мне маленькое зеркальце (у Порфирыча всегда под рукой находится все, что нужно).

Я взглянула в зеркальце...

Собственное отражение меня никогда особенно не радовало — бледное лицо, вечно испуганные глаза, редкие, словно выгоревшие брови. Как говорит мама — бледная немочь, зеленое привидение. Но сейчас я превзошла саму себя.

Мои волосы были покрыты какой-то осклизлой зеленоватой субстанцией, они слиплись и превратились в противные зеленые сосульки, свисающие по сторонам лица.

Волосы у меня средней длины, потому что мама говорит, что такое безобразие нужно скрывать, то есть убирать в хвост, а лучше — в узел. Вот я и убираю их в кичку, чтобы не мешали и не лезли в глаза.

Теперь же от возни под балдахином резинки свалились, и на голове моей четко просматривалось самое настоящее воронье гнездо. Причем не весной, а в конце лета, когда птенцы уже вылетели из гнезда, и оно брошено и не прибрано.

— Господи, что это? — выдохнула я в ужасе.

— Это, видимо, рабочие клей оставили, — деловито сообщил заместитель директора. — Торопились закончить инсталляцию и не убрали за собой... я им поставлю на вид...

Я почувствовала, что последние силы оставляют меня, и опустила прямо на пол.

Ну за что, за что мне это?

А ведь начинался этот день не так уж плохо, не хуже, чем любой другой. А может, и лучше.

Я пришла на работу, как всегда, одной из первых, забилась в свой уголок и тихонько принялась редактировать очередную статью.

Работаю я в маленькой, мало кому известной еженедельной городской газете, которая называется по имени одной из главных рек нашего города — «Мойка».

Не знаю, кто придумал это название, — наверное, тот небожитель, который платит нам зарплату и при имени которого главный редактор Бурнус в религиозном экстазе поднимает глаза к потолку. Но только где ни назовешь место своей работы — непременно тут же найдется записной остряк, который переспросит: «Как, вы сказали, называется ваша газета? Помойка?»

Дошло уже до того, что и сами сотрудники газеты стали так ее называть. Где ты работаешь? В «Помойке»!

Меня, честно говоря, эта работа устраивала. До нее я попробовала работать в школе и выдержала только два дня. Входить в класс, полный отъявленных тринадцатилетних разбойников, оказалось страшнее, чем в клетку с хищниками.

После школы я устроилась в районную библиотеку, там в читальном зале хотя бы тихо, но была, к сожалению, очень активная заведующая, которая устраивала какие-то литературные вечера, коллективные чтения и обсуждения книг, потом организовала книжный клуб, и в библиотеку зачастили какие-то сомнительного вида небритые и нестриженные писатели...

Собирались они по вечерам, тогда для обычных читателей библиотека была закрыта, но ведь кто-то же должен был их стеречь, а потом закрывать помещение. И для этого заведующая выбрала, конечно, меня, потому что самой сидеть допоздна было неохота, а остальные сотрудники сумели вовремя отговориться, кто — вечерними курсами, кто — маленькими детьми или еще чем-нибудь.

Писатели шумели, бесконечно выбегали курить на улицу, хлопали дверьми, ссорились по литературным вопросам, потом просто ссорились, потом выпивали мировую, после чего начиналась у них самая обычная пьянка.

Выгнать их удавалось только поздним вечером, когда заканчивалось спиртное. Да еще оставляли они после себя форменный свинарник — это в библиотеке-то. Увидев среди членов клуба парутройку женщин, я решила, что они хоть за порядком проследят. Да куда там! Тетки оказались еще круче мужиков в смысле выпивки.

В общем, мне же еще приходилось разгребать после них, а утром заведующая ставила на вид, заметив пустые бутылки, спрятанные в угол. В общем, после третьего раза я не выдержала, а поскольку писательский клуб собирался раз в неделю, то получается, что я и месяца в библиотеке не отработала.

После библиотеки я попыталась устроиться администратором в зубную клинику, но туда брали только девушек с прекрасными зубами, которые могли служить живой рекламой. У меня вроде тоже не клыки и не вставная челюсть, но менеджеру клиники отчего-то зубы мои не понравились.

Мама поддерживала меня, как могла, каждый раз утешала — что ж делать, говорила она, такая уж ты невезучая уродилась, надо смириться. Предлагала даже бросить это дело и жить вместе на ее пенсию. Она не работала никогда. Пока был жив отец, он нас содержал, после его смерти мать оформила себе пенсию по инвалидности. Пенсия, конечно, небольшая, но отец оставил нам какие-то средства, так что на жизнь хватает, как говорит мама. Однако мне совестно было сидеть дома, опять-таки диплом может пропасть.

Промыкавшись так примерно год, я устроилась в эту самую газету «Мойку-Помойку» помощником редактора. Денег, конечно, маловато, зато спокойно, никто никуда не дергает, никто ничего особенного не поручает. Газета маленькая, сотрудников — кот наплакал, да еще половина всегда в разбеге — сенсаций ищут. Находят, но редко. По всему получается, что газета наша убыточная, но мне-то что, я — человек маленький. Ну разорится газета, буду искать другую работу. Но вообще не хотелось бы...

Итак, сегодня утром я тихонько сидела в углу редакционной комнаты и правила статью. Статья была посвящена работе городских библиотек. Хорошо знакомая мне тема. Написала ее наша звезда Алиса Алешина, и на этот раз она превзошла саму себя. Автором «Муму» у нее оказался Некрасов, а строчки «Однажды в студеную зимнюю пору» она считала фрагментом из «Евгения Онегина».

Только я поправила эти досадные недочеты, как открылась дверь редакторского кабинета и прозвучал сиплый, как всегда раздраженный голос Бурнуса:

— Вороновская, зайдите ко мне!

В первый момент я подумала, что ослышалась. Сколько я работаю в «Мойке», Бурнус ни разу не называл меня по имени. Или по фамилии. Я думала, что он понятия не имеет, как меня зовут. И вообще не подозревает о моем существовании.

И это, опять-таки, меня вполне устраивало.

Итак, я подумала, что ослышалась, и продолжила править статью. Но тут Натэлла Васильевна, наша старейшая сотрудница (и вреднейшая, как обычно, добавляет Порфирыч), подала голос:

— Вера, ты что, не слышишь? Тебя Главный зовет!

Она произносит титул Бурнуса именно так — сразу ясно, что с большой буквы. Прямо как сам Бурнус произносит имя нашего учредителя. То есть произносит он его мысленно, при этом закатывая глаза, чтобы мы поняли, какой это могущественный человек. Отчего-то этот Великий и Ужасный требует, чтобы его имя держали в секрете. Тут Бурнус держится стойко, как партизан на допросе, поскольку имени этого не знает даже Натэлла Васильевна, а скрыть что-нибудь от нашей старейшей сотрудни-